

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА (АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ДЕТЕРМИНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА СМЫСЛА ПРАВА)

Проблема свободы воли представляет собой одну из ключевых проблем, как всей философии вообще, так и философии права – в частности. Без решения этой проблемы рассмотрение других философско-правовых проблем просто теряет какой-либо смысл, поскольку если мы отрицаем

свободу воли как таковую, тогда мы неизбежно приходим к выводу, что право в целом не имеет смысла и является излишним. Право логически происходит из свободы и по самой своей сути обращено к свободной воле человека, является продуктом этой воли. Идея права, как правильно отмечал Гегель, – это, прежде всего, свобода [1, с. 59]. «Почвой права, – пишет Гегель в «Философии права», – является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы...» [1, с. 67].

Проблема свободы воли обсуждается в философии еще со времен Аристотеля и еще во второй половине XIX века спор между сторонниками и противниками свободы воли, как стало казаться, был решен в пользу детерминизма, который стал восприниматься как основной принцип любого научного подхода. Согласно принципу детерминизма, все действия человека определяются какими-то определенными причинами, а значит, человек, по крайней мере, с точки зрения науки, исследующей причинно-следственные связи, в которые он вовлечен, не может считаться по-настоящему свободным. Например, еще материалист Томас Гоббс представлял всю жизнь человека в качестве не более чем цепи механически обусловленных процессов. Интересно отметить, что своеобразный детерминизм стал также основой одного из аргументов Фомы Аквинского относительно существования Бога как первопри-

чины всех явлений. Как писал Фома Аквинский в «Сумме теологии», «Поскольку природные вещи направляются к определенной цели под управлением высшего действующего, постольку все естественные причины должны восходить к Богу, как к своей первой причине» [2, с. 27].

Вообще, с точки зрения христианской теологии, по-настоящему может быть свободен только лишь Бог, как первопричина («альфа»), и как конечная цель («омега») всего во вселенной. С такой точки зрения человек свободен лишь в той мере, в какой в нем проявляется божественное начало. Иными словами, человек свободен лишь тогда, когда его воля противостоит несвободе, рабству греха, и направлена на реализацию божественного замысла, божьих заповедей. Именно поэтому суть божественного права (*jus divinum*), составляющего источник естественного права, заключается в свободе, высшим проявлением которой является самопожертвование, явленной нам в искупительной жертве Христа. В этом смысле вся жизнь человека, его движение к Богу, представляется «стяжанием Духа святого», т.е. движением на пути к подлинной свободе, свободе осмысленной и одухотворенной.

С другой стороны, дьявол символизирует несвободу, рабское подчинение человека плотскому, греховному началу, что становится источником преступления.

Вместе с тем, вышеупомянутый аргумент Фомы Аквинского подвергался критике, поскольку нет достаточных оснований утверждать, что такая первопричина, о которой говорит Фома Аквинский, существует, и что этой первопричиной является сам Бог.

Итак, согласно детерминистской точке зрения, человек, его поведение, детерминирован, определен, прежде всего, его генетической структурой и социальной средой, в которой он находится. А значит, он не свободен.

Что это может означать для права в несколько ироничной форме изложил английский философ Стивен Лоу, рассмотревший с философской перспективы гипотетический казус преступника, утверждающего, что он не может нести никакого наказания, поскольку все его действия несвободны

[6, с.204-216]. Проанализировав различные индетерминистские аргументы, которые могли бы доказать существование свободы воли, а стало быть оправданность наказания преступника, виновного в совершении преступления, Лоу приходит к выводу относительно того, что «нас винить, по-видимому, нельзя, чтобы мы не сделали» [6, с. 216].

В описанном Лоу гипотетическом случае судья под влиянием детерминистских аргументов склоняется к мысли, что предполагаемый преступник по имени Дивни не несет ответственности за свои действия. В конце рассмотрения данного дела между судьей и предполагаемым преступником Дивни происходит следующий примечательный диалог:

«Судья: Должен сказать, ваша защита произвела на меня большое впечатление. Мне кажется, вам удалось показать, что в отношении вашей виновности возможны весьма серьезные сомнения. По-видимому, и наука на вашей стороне.

Дивни: Значит, меня оправдают?»

Судья: Нет, конечно. Я готов согласиться с тем, что вас нельзя упрекнуть с точки зрения морали. Однако я все-таки считаю, что вас нужно упрятать в тюрьму. Есть еще одна причина, по которой нужно осудить человека, даже если у него нет свободы воли и он не заслуживает наказания.

Дивни: Какая причина?

Судья: Хотя вы и не заслужили наказания, оно необходимо, ибо удержит других людей от совершения подобных преступлений.

Дивни: С этим можно согласиться.

Судья: Я могу также отправить вас в реабилитационный центр, где вас излечат от склонности совершать такие преступления в дальнейшем.

Дивни: Это верно.

Судья: Еще более важно то, что, если бы я считал вас способным вновь совершить преступление...

Дивни: Ну что вы!

Судья: То я заключил бы вас в тюрьму, чтобы уберечь от возможности повторного осуждения» [6, с. 215-216].

Собственно говоря, аргументацию судьи можно было бы значительно упростить, просто заявив, что судья назначает наказание Дивни, несмотря на то, что тот доказал свою несвободу, лишь затем, что сам судья также не обладает свободой воли и ничего с собой не может поделать. Очень важно то, что как бы ни поступил преступник или судья, детерминистский подход всегда найдет оправдание любым действиям, причем сделает это задним числом. В этом смысле хитрость детерминизма состоит в том, что с его помощью можно оправдать любое действие. Возможно, детерминистский подход имел бы

действительно смысл лишь тогда, когда с его помощью можно было бы со стопроцентной уверенностью предсказать будущее поведение.

Кроме того, на этом примере видно еще одно логическое противоречие детерминистской аргументации: если преступник был по-настоящему несвободен при совершении преступных действий, то как тогда он может рассуждать о том, что он несвободен, ведь признавая собственную «несвободу» мы уже тем самым как бы становимся над ней, обретаем над ней контроль, т.е. становимся хоть немного свободными, по крайней мере, по отношению к данной ситуации.

Однако попробуем критически подойти к принципу детерминизма.

Прежде всего, детерминизм вызывает сомнения с позиций диалектического подхода. Об этом хорошо написал А.Ф. Лосев в книге «Диалектика мифа». Вот как Лосев анализирует категории свободы и необходимости:

«а) Допустим, что все обусловлено абсолютной необходимостью, что нет ничего и никого свободного. В таком случае эта всеобщая необходимость, как единственно истинно-сущая, будет зависеть сама от себя. Но это значит, что она и есть свобода. Зависеть только от себя – значит быть свободным.

б) Допустим, что все абсолютно свободно, что никто и ничто ни от кого и ни от чего не зависит. Если все является абсолютной свободой, то, в силу абсолютности, ничто не может выйти из пределов свободы, все абсолютно зависит от этой свободы. Однако зависимость от чего-нибудь есть необходимость. Абсолютная свобода есть, таким образом, абсолютная необходимость» [5, с. 125].

Рассмотрев диалектику свободы и необходимости, Лосев приходит к заключению, что «свобода и необходимость примиряются в чувстве, в котором всегда слиты воедино долг и склонность, заповедь и влечение, долженствование и свободный выбор» [5, с. 179].

Таким образом, человек свободен в той мере и тогда, в какой и когда он «чувствует», ощущает себя свободным. Эта диалектическая концепция соотношения свободы и необходимости интересна для нас еще и потому, что указывает нам на то, что эти категории «примиряются», как сказал бы Лев Петражицкий, в «юридической эмоции», т.е. психическом переживании, связанном со свободой.

Вместе с тем, создатель «радикального бихевиоризма» Скиннер фактически отрицал свободу воли в качестве внутреннего психического переживания. Скиннер предполагал, что ощущение свободы не является свободой как таковой; более

того, он утверждал, что наиболее репрессивные формы контроля — это именно те, которые укрепляют в человеке ощущение свободы [7].

Говоря о детерминизме вообще, следует иметь в виду то, что в рамках этого принципа закон причинности понимается так, как это делал Кант, т.е. когда за неким А следует «совершенно отличное от него В» [3, с. 91]. Иными словами, причинность представляет собой бесконечную цепь причин и следствий, а каждое явление или событие имеет свою причину, которая, в свою очередь, имеет еще одну причину и так до бесконечности.

Однако на самом деле все обстоит значительно сложнее, о чем писал еще Лев Петражицкий. Так, Петражицкий, критикуя закон причинности в интерпретации Канта, пишет: «Реальные явления, даже с точки зрения причинности очень простые, как, например, падение камня на землю, являются результатом причинного взаимодействия бесконечного множества факторов» [8, с. 97].

Можно сказать, что каждое событие во вселенной находится как бы на вершине пирамиды причинно-следственных связей, уходящих в бесконечность. Кроме того, важно отметить, что каждое событие является результатом действия бесконечного множества бесконечно малых по своей силе причин. Эти две «бесконечности» уравнивают друг друга.

Одним словом, такое понимание причинности не дает нам оснований говорить об отсутствии свободы и жестком детерминизме в природе. Возможно, сами категории свободы и несвободы объективно не применимы к природным явлениям. Более того, совсем трудно говорить о детерминизме, когда речь идет о таких сложных явлениях, как психика человека и человеческое общество. Так, например, сводя психические явления к биохимическим процессам в мозге, мы игнорируем качественное отличие психики от биохимии, и тем самым совершаем ошибку наивного редукционизма.

Как пишет Петражицкий, «Когда речь заходит о психике, неслыханное множество факторов и последствий значительно увеличивается. А когда мы имеем взаимодействие множества организмов и множества психик, как в делах национальных, государственных, в общем социальных, там снова причинная сложность является еще большей, поскольку здесь добавляются бесконечные множества факторов и последствий» [8, с. 101].

Интересно, что проблема свободы воли является одной из основных проблем для теории нормативизма Ганса Кельзена. При этом Кельзен отрицает свободу воли, опираясь на принцип каузальности в духе неокантианства. Согласно

теории Кельзена, принцип каузальности говорит, что когда имеется А, тогда происходит (или произойдет) Б [4, с. 108]. Кельзен также противопоставляет принципу каузальности принцип «приписывания последствий», согласно которому, «когда имеется А, то должно быть Б». Различие между каузальностью и приписыванием последствий Кельзен определяет так: «...каждая конкретная причина должна рассматриваться как последствие другой причины, а каждое конкретное последствие — как причина другого последствия. Итак, цепочка причины и последствия, которая отвечает сути каузальности, протягивается бесконечно в обе стороны. Сюда добавляется и тот момент, что каждое конкретное событие является точкой пересечения, в принципе, неограниченного количества каузальных рядов» [4, с. 109].

Кельзен утверждает, что в природе господствует каузальность, а стало быть, там нет свободы, а действует необходимость, а в обществе, по его мнению, действует принцип приписывания последствий, связанный со свободой. Свою философскую концепцию права Кельзен как раз и строит на основе принципа приписывания последствий. При этом Кельзен обходит вниманием то обстоятельство, что последовательные детерминисты распространяют принцип каузальности и на общество, лишая его, тем самым, свободы. Что касается теории приписывания последствий, то она выглядит несколько искусственной, точно так же, как и неокантианская сфера «должного», противопоставляемая сфере «сущего». Принцип приписывания последствий и сфера «должного» не дают нам ответы на вопросы, откуда проистекает должествование, что является его источником, почему «должно» быть Б, если есть А.

Кельзен, признавая вслед за Кантом, что с точки зрения теории познания свобода воли является чистейшим вымыслом, делает странное утверждение: «воля человека рассматривается так, как если бы она не была каузально обусловлена, хотя на самом деле она каузально определена» [4, с. 113].

Однако, как было показано выше, детерминистское утверждение о господстве необходимости в природе вызывает обоснованные сомнения.

С точки зрения «фальсификационизма» Карла Поппера концепция детерминизма несостоятельна потому, что ее невозможно «фальсифицировать» (опровергнуть). Приведем простой пример. Упомянутый господин Дивни совершил определенное преступление. В этом случае сторонник детерминизма всегда сможет задним числом объяснить противоправное поведение Дивни соответствующими причинами (например, генети-

ческими особенностями и негативным влиянием социальной среды). С другой стороны, если тот же самый господин Дивни вместо преступления совершит доброе деяние, то и тогда детерминист все объяснит соответствующими причинами. Причем опять-таки связанными с генетикой Дивни и влиянием на него социальной среды. Одним словом, детерминизм объясняет все и в то же самое время ничего.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что современная наука в лице квантовой механики говорит об индетерминизме микромира, т.е. о том, что с точки зрения физики наша вселенная не так уж детерминирована, как это считалось в XIX веке.

В XX веке в науке появились еще такие теории, как синергетика и теория хаоса, которые также ставят под сомнение жесткую предопределенность событий и явлений во вселенной.

Итак, какие выводы мы можем сформулировать касательно проблематики свободы воли в свете философии права?

Прежде всего, понятие свободы неразрывно связано с осознающим себя субъектом права. Здесь свобода выступает в качестве сознания, точнее, даже осознания собственной ограниченности. Вспомним в этой связи известное высказывание Гегеля о том, что «свобода – это осознанная необходимость». Это высказывание можно выразить иначе: «свобода – это осознанная несвобода». С учетом того, что свобода имеет различные уровни, мы можем утверждать, что осознать свою несвободу означает тем самым стать над ней, преодолеть ее и перейти на более высокий уровень свободы. В определенном смысле свобода и сознание – синонимы. В этом один из парадоксов свободы: когда мы понимаем, что мы несвободны, мы обретаем свободу, точнее наше осознание несвободы становится

залогом ее преодоления посредством наших последующих действий. Можно даже сказать, что свобода представляет собой мучительный процесс борьбы за расширение человеком границ своего сознания. С другой стороны, несвобода всегда неосознанна. Если бы мы были по настоящему несвободны, лишены свободы воли, тогда бы мы просто были не в состоянии поставить сам вопрос о свободе воли. Уже в самой постановке этого вопроса кроется возможность свободы и стремление к ней.

Собственно говоря, сам факт существования права является одним из аргументов в пользу свободы воли, а право в целом адресовано человеку, наделенному свободной волей и готовому нести ответственность за свои действия. Смысл права, как нам представляется, в том и состоит, чтобы содействовать развитию начала свободы в человеке и обществе.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990.
2. Фома Аквинский. Сумма теологии. – Киев, 2002. – Часть I. Вопросы 1-43.
3. Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь: Реноме, 2003.
4. Кельзен Г. Чистое правознание. – Київ: Юніверс, 2004.
5. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991.
6. Лоу С. Философский тренинг. – М., 2007.
7. Фрейдджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост // <<http://www.gumer.info/bibliotekBuks/Psihol/freydjer/11.php>>
8. Petrazycki L. O nauce, prawie i moralności. Pisma wybrane. – Warszawa, 1985.

О. О. Мережко

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Автор досліджує питання про свободу волі в контексті теорії детермінізму. Розглянувши різні концепції детермінізму, а також аргументи на користь свободи волі, він приходить до висновку про те, що сенс права полягає у розвитку свободи в людині та суспільстві.

О. О. Merezhko

THE PROBLEM OF THE FREEDOM OF WILL IN LEGAL PHILOSOPHY

The article considers the issue of the freedom of will in the context of the theory of determinism. Having considered different concepts of determinism, as well as arguments in favor of the free will, the author concludes that the meaning of law is related to the development of the freedom in human being and society.